

Дверь подъезда распахнулась. На крыльцо вышел мужчина в сером незастёгнутом пальто.

На улице падал медленный, крупный снег. В желтоватом свете уличного фонаря он казался каким-то ненастоящим, искусственным, бутафорским — вроде театрального снега, который падает в опере «Евгений Онегин» в сцене дуэли.

Мужчина зябко поёжился, поднял воротник пальто, огляделся по сторонам и достал из кармана мобильный телефон. Он набрал номер, поднес телефон к уху, но в это время из темноты вынырнули две фигуры. Казалось, они были частью окружающей темноты, ее сгустками.

В этих сумрачных фигурах было какое-то неуловимое сходство, хотя внешне незнакомцы разительно отличались друг от друга — один был тощим и долговязым, второй — коренастым и плотным. Но читалась в обоих какая-то хищная повадка, они двигались мягко и пружинисто, то и дело оглядываясь через плечо, словно ожидая погони.

Долговязый подошел к мужчине с телефоном, неприятно усмехнулся, на мгновение показав крупные, жёлтые, словно волчьи зубы, и процедил с ленивой растяжкой:

— А он не похож на покойника!

— Не похож, — подтвердил его коренастый спутник. — Ничуть не похож! Мне ли покойников не знать!

— Мужики, — мужчина с телефоном постарался не показать испуга, — вы меня с кем-то спутали.

Он попятился, но коренастый тип каким-то непостижимым образом оказался уже между ним и дверью подъезда.

— Вот что, — скривил губы долговязый, смеясь мужчине с телефоном цепким, неприязненным, пренебрежительным взглядом. — Шатун хочет с тобой поговорить. Вопросы у него к тебе есть. Так что ты сейчас без базара поедешь с нами.

— Никуда я с вами не поеду! Вы меня точно с кем-то спутали!

— Я что, непонятно выражаюсь? — Долговязый оттопырил нижнюю губу. — Я сказал — ты поедешь с нами! Шатун тебя ждет!

— Не знаю я никакого Шатуна и вас не знаю! Проваливайте отсюда, а не то...

— А то что? — Долговязый криво ухмыльнулся, и в его руке появился нож. — Всё, я сказал, завязывай базарить! Пойдёшь с нами, понял! А то я тебя пером пощекочу...

Человек в сером пальто резко повернулся, оказавшись лицом к лицу с коренастым, ударил

его без замаха в солнечное сплетение. Коренастый покачнулся, но удержался на ногах и быстро взмахнул рукой.

Мужчина в незастёгнутом пальто удивлённо ахнул, широко открыл рот, как будто ему не хватало воздуха, на свитере проступила широкая красная полоса. Ноги бедняги подогнулись, он упал на колени перед коренастым громилой, словно умоляя его о чем-то, громко всхлипнул и завалился на бок. На губах у него вскипела красная пена, глаза закатились, подёрнулись мутной белёсой пеленой.

— Ты чего, Шуруп?.. — вытаращил глаза долговязый, убирая свой нож. — Ты же его замочил!

— Ну, замочил... А что мне оставалось?

— Шатун же велел его живым доставить!

— Ну, велел! А чего он размахался?

— Ладно, поздняк метаться, сваливаем, пока нас никто не видел!

И двое метнулись в снежную тьму, растворились в ней, исчезли, как будто их никогда и не было.

Крупный бутафорский снег падал на раскинувшегося на земле человека, как на убитого Ленского. Первое время снежинки быстро таяли, но вскоре перестали.

Через некоторое время, однако, бандиты появились вновь. На неподвижное тело уже намело небольшой сугроб.

— Вот хорошо еще, что ни одна собака не вышла на улицу по такой погоде, — ворчал худой. — Ты, Шуруп, еще от Шатуна огребешь по полной.

— Ладно, хватай его да грузи!

Они подхватили мужчину, который издал едва слышный стон.

— Живой! — обрадовался Шуруп. — Ну, мое счастье...

Ника проснулась и, еще не открывая глаз, поняла, что что-то не так. Постель была не ее, это точно. У нее кровать довольно старая, скрипит всё время при каждом неосторожном движении, зато матрац мягкий, качаешься на нем, как на теплых морских волнах. А тут... Совершенно новая кровать, пахнет магазином, и матрац ровный и твердый, как футбольное поле, не проминается нисколько. Да, определенно что-то не так. Она почувствовала страх, как бывало всегда, когда просыпалась не у себя дома. Страх открыть глаза и не узнать того места, где она находится. И что тогда делать? Кричать, сорваться с места и бежать, но куда? Если звать, то кого?

«Спокойно, — сказала Ника мысленно, — ничего не случилось, я просто очень крепко спала и еще не совсем проснулась... Со мной такое бывает, так что нечего паниковать. Нужно открыть глаза и осознать, где я. Только без паники!»

Так советовал ей когда-то старый врач, к которому водила еще мама. Когда это было? Очень давно, лет пятнадцать назад...

Очень осторожно Ника открыла глаза и тут же снова зажмурилась. Мама дорогая!

Всё вокруг было чужое, непривычное — широкая кровать с холодной пластиковой спинкой,

слишком тяжёлое одеяло и жёсткое постельное бельё в жутких розовых цветочках, трикотажная ночнушка, тоже в каких-то незатейливых лепесточках, оказалась велика на три размера. Сорочка стояла, словно накрахмаленная, видно, тоже только что из магазина. Такое и правда только в страшном сне может присниться!

Ника села на кровати, твёрдо решив разобраться, где она находится и как здесь очутилась.

Комната была довольно большая, обставленная скупо. Мебель новая и очень простая. Письменный стол у окна, пустоватый стеллаж для книг, парочка стульев, неудобных даже на вид, вместо занавесок висели какие-то канцелярские жалюзи. Ни цветка на подоконнике, ни картины на стене, календаря простого и то не видно. Всё незнакомое. И как только она здесь оказалась?!

Ника помотала головой и протёрла глаза.

«Хватит! — приказала себе она. — Хватит идиотничать! Ты сейчас встанешь, оденешься и разберешься в ситуации. Наверняка всё объясняется очень просто, как и всегда!»

Ника решительно встала с кровати и, осторожно ступая, направилась к стулу, на котором была свалена в кучу одежда. Ну да, вот ее джинсы, вот свитер, вот белье... Противно было надевать несвежее, и вообще, хорошо бы душ принять, но всё же Ника предпочла встретить неизвестность одетой.

Тапочек не оказалось, Ника ходила босиком. Она оделась и на стуле под джинсами нашла свою

дорожную сумку. Купила ее совсем недавно, хотя Сергей советовал ей этого не делать. Приедем, дескать, в Петербург, в большом городе магазины лучше, там всё и купишь. Ей же не хотелось выглядеть такой чумичкой, провинциальной тетёхой, хотя Сергей и говорил...

Сергей! Дрожащими руками Ника раскрыла подвернувшийся под руку паспорт. Да вот же написано черным по белому: Ломакина Вероника Дмитриевна. А раньше была Соловьёва. И вот, на другой странице: зарегистрирован брак с Ломакиным Сергеем Викторовичем. Господи, какая же она дура! Ника счастливо засмеялась. В сумке нашлись и кроссовки.

Ну, всё встало на свои места, она всё вспомнила. Квартира эта — его, Сергея, он привез ее сюда вчера поздно вечером. Самолёт задержался, пришлось несколько часов просидеть в аэропорту у них в городе, она всегда плохо переносит полёт, так что вчера по прилёте дико устала и плохо соображала, даже со свекровью, которая встретила их в аэропорту, толком не поговорила. Дома плюхнулась на эту кровать — и больше ничего не помнит.

Спала она очень долго, судя по всему, сейчас позднее утро, оттого и забыла начисто всё. Какой позор, забыть, что замуж вышла две недели назад!

Ну, бывает у нее такое, бывает, когда со сна не помнишь, где находишься. В командировке, в отпуске, как проснется не у себя дома — так

проблемы. Ну и сейчас также. Никому про это Ника не рассказывает, только мама знала, ну и Сергей, конечно, у жены ведь от мужа никаких секретов не может быть.

Да, теперь у нее есть муж. Наверное, оттого не сразу о нем вспомнила, что привыкнуть к замужеству еще не успела. Всего две недели они женаты, а до этого несколько месяцев знакомы были.

У нее с Сергеем всё быстро случилось, Сергей потом признался — как увидел ее, так сразу понял, что Ника его судьба, что с ней он только и будет счастлив.

Сейчас-то Ника помнит день знакомства во всех деталях, во всех мельчайших подробностях. Душное лето, выходной день, раннее солнечное утро. Какой-то на работе был то ли юбилей фирмы, то ли у начальника день рождения, в общем, заказал шеф кораблик, который должен был отвезти всех сотрудников на остров, а там — пикник, шашлыки и прочее. Короче, отдых по полной программе до самого вечера.

Река у них в городе красивая, довольно широкая, на острове народу собралось немного, так что день обещал быть отличным, поскольку погода стояла жаркая, вода в реке нагрелась, и Ника решила обновить свой новый дорогуший купальник.

И вот, когда она торопилась на причал и решила срезать дорогу через парк, на нее налетел какой-то ненормальный велосипедист. Со всего размаху, так что она упала. И здорово ушибла

ногу. Когда Ника очухалась и увидела кровь, сочащуюся из здоровенной ссадины, то поняла, что купальник обновить сегодня не удастся.

Коленка распухла на глазах, и она испугалась перелома. Вокруг нее крутился тот самый велосипедист-вредитель и выглядел таким расстроенным, что даже досужие тётки, оказавшиеся со своими собачками рядом, не стали ругаться.

Велосипедист предложил вызвать «скорую», но Ника решила, что не стоит. Впрочем, она помнит только, что сидела на дорожке и плакала от боли и злости. Но почему ей так не везет?

Велосипедист дотащил ее буквально на руках до своей машины, которая стояла неподалеку. Оказалось, что велосипед он взял напрокат тут же, в парке. Да не в добрый час, каялся он всю дорогу.

Несмотря на утро, в травмпункте оказалась большая очередь, так что Ника с велосипедистом проторчали там часа три — пока снимок делали, пока врача ждали... Познакомились, мужчину звали Сергеем, он приносил Нике кофе из автомата с первого этажа и вообще всячески ее опекал. После врача отвез домой на своей машине. Ника вежливо пригласила его зайти в гости. Он ужаснулся, что нет у нее в доме никакой еды — ну да, она же собиралась провести этот день на природе. Вообще после смерти мамы Ника хозяйством не слишком заморачивалась. Скучно было готовить для себя одной.

Сергей умчался в магазин, купил кучу продуктов и провел с ней весь день. Когда он вече-

ром ушел, Ника сообразила, что она не взяла у него номер телефона. И ей стало плохо, потому что она решила, что никогда его больше не увидит. Раздосадованная, Ника промучилась всю ночь — очень нога разболелась.

Но утром он уже звонил в ее дверь с горячими булочками из пекарни на углу. И сам сварил ей кофе. Кофе! Так, как Сергей, кофе не варит никто больше! Он говорил, что его научил знакомый армянин, который утверждал, что кофе должен быть черным, как ночь, горячим, как огонь, и сладким, как поцелуй любимой женщины. Ну и, конечно, в последний момент нужно добавить зернышко кардамона.

Все эти мысли пронеслись у Ники в голове буквально за минуту, после чего она втянула носом воздух и ощутила запах кофе. Совершенно божественный аромат, так умеет варить кофе только ее муж.

— Серёжа! — Ника выскочила из комнаты.

Прихожая была небольшая и выглядела бы совсем пустой, если бы не чемоданы. Ну да, вот большой чемодан, еще мамин, вот чемодан поменьше, который Ника купила в прошлом году, когда ездила в отпуск. Ну да, вчера всё бросила как есть, прямо посреди прихожей, сил не было разбирать вещи...

Споткнувшись о чемодан, Ника схватилась за ручку ближайшей двери и буквально влетела в кухню.

Увидев мужчину, стоявшего спиной к ней возле плиты, она затормозила, потому что ей по-

казалось... Только на секунду ей показалось, что это не ее муж.

Но нет же! Вот светлые волосы, вот чуть заросший затылок, вот его клетчатая рубашка поверх линялых джинсов. В кухне витал аромат кофе. Его кофе...

Неслышно ступая, Ника подошла ближе и положила руки ему на плечи.

— Серёжа... — тихо позвала она. — Серёженька...

Она не успела сообразить, что что-то не так, он резко обернулся, джезва выскочила у него из рук и покатила по полу, разбрызгивая коричневую жидкость.

— Чёрт! — Видно, горячий кофе обжег ему ногу. — Чёрт!!!

За мгновение до этого Ника успела отскочить. И вовсе не потому, что испугалась обжечься. Нет, она увидела, что кофе варил не ее муж. Не Сергей.

— Вы кто? — оторопело спросила она, вытаращив глаза. — Что вы здесь делаете?

— Ника... — Он протянул к ней руки и широко улыбнулся. — Это же я, Сергей. Твой муж...

Она очень ясно увидела, что улыбается он натужно, вымученно, ну еще бы, небось хочется выругаться и ногу потерять, а тут она...

— Что-о? — До Ники дошли его слова. — Что вы такое говорите? Чей вы муж? И где Сергей?

— Ника... — Он распахнул объятия и шагнул к ней. — Что с тобой? Ты меня не узнаешь? Ты так разоспалась, что мужа не узнаешь? Ну, иди ко мне, малыш...